

АРХЕОЛОГИЯ

А.Ю. Зеленская

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н.А. Шило ДВО РАН
ул. Портовая, 16, Магадан, 685000
E-mail: zelenskaya@neisri.ru

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ УСТЬ-БЕЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НЕОЛИТЕ НА СЕВЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Материалы Усть-Бельской стоянки-могильника послужили основой для выделения Н.Н. Диковым усть-бельской внутриконтинентальной культуры Чукотки. Однако результаты исследований могильника были опубликованы не в полном объеме, без морфометрического и статистического описания материалов, в том числе костяного инвентаря, по курганам. Данная работа посвящена анализу костяного инвентаря из кургана 15 и выявлению на основе этого анализа культурно-исторических связей с материалами культур позднего неолита — эпохи ранних металлов на территории Севера Дальнего Востока и Тихоокеанского Севера. По итогам технико-типологического анализа костяных орудий были выделены классификационные элементы типов костяных орудий (зачастую являющиеся культурными маркерами); отчасти реконструирован хозяйственный быт усть-бельцев (а именно ориентация на внутриконтинентальную охоту), рассмотрен вопрос о наличии гарпунов в могилах; зафиксированы связи (на основе сравнительно-морфологического анализа) с приморскими культурами коряков, ительменов, алеутов и эскимосов, причем с последними обнаруживается наибольшее сходство в типах костяного инвентаря. Таким образом, пока еще слабо атрибутированный материал Усть-Бельской стоянки позволяет получить ценные сведения о позднем неолите Чукотки.

Ключевые слова: Усть-Бельский могильник, курган 15, неолит, эпоха палеометалла, чукчи, эскимосы, костяные и роговые орудия, технико-типологический анализ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-39-4-005-014

Стоянка-могильник у п. Усть-Белая на р. Анадырь (Чукотка) открыта Н.Н. Диковым в 1956 г. В дальнейшем им было раскопано 15 курганов и 3 ямы, в которых найдены человеческие кости с многочисленным погребальным инвентарем. На этих материалах была выделена поздненеолитическая усть-бельская культура [Диков, 1958, 1977, 1979]. Вскрытая площадь кургана 15 составляет 130 м², выделено семь пунктов скопления находок общей площадью до 45 м² [Диков, 1961]. Коллекция материалов Усть-Бельского могильника, включая охарактеризованные в данной статье материалы, хранится в фондах СВКНИИ ДВО РАН (Магадан) под шифром У-Б к. 15 (Усть-Бельский курган 15; отдельные пункты скопления находок имеют свою нумерацию).

Результаты исследований могильника были опубликованы не в полном объеме, отсутствует развернутое морфометрическое и статистическое описание материалов по курганам, в том числе костяного инвентаря из кургана 15, представляющего важный материал для изучения межкультурных контактов в период позднего неолита Чукотки. Стоит также отметить, что основная масса костяных изделий представлена находками из кургана 15, за исключением наконечника гарпуна поворотного типа из кургана 9.

Данная статья представляет собой один из этапов комплексного описания материалов Усть-Бельской стоянки-могильника, а именно костяного инвентаря из кургана 15. Таким образом, целью настоящего исследования являются технико-типологическая характеристика костяного инвентаря и корреляция полученных данных с археологическими материалами культур позднего неолита — эпохи ранних металлов на территории Севера Дальнего Востока России и Тихоокеанского Севера. Для этого были проанализированы технологические особенности обработки костяных орудий, их функциональное назначение, выделены основные классификаци-

онные элементы типов костяных орудий, а также проведен сравнительно-морфологический анализ.

По углю из кургана 15 получены ^{14}C -даты: 2865 ± 95 (РУЛ) и 2920 ± 95 (Крил-244) [Диков, 1979]. Радиоуглеродный анализ костей черепа из того же кургана дал дату 2760 ± 20 (UGAMS-20273), которая хорошо коррелируется с результатами датировки по углю, что соответствует позднему неолиту — началу эпохи ранних металлов (начало I тыс. до н.э.).

Костяной инвентарь представлен фрагментом наконечника (рис., 1), фрагментом зубчатого гарпуна (рис., 2), рукояткой резца (рис., 3), тремя посредниками для наконечников стрел (рис., 4–6) и «пуговицей» (рис., 7).

Рис. Костяные изделия со стоянки-могильника Усть-Белая (курган 15).

Приемы обработки кости, применявшиеся при изготовлении костяного инвентаря из кургана 15, стандартные: пиление, сверление (отверстие в гарпуне), резание (в том числе орнаментация), строгание — хорошо прослеживается на костяной рукоятке (возможно, металлическим предметом), шлифовка и полировка (гладкая зашлифованная поверхность и характерный глянцевый блеск по всей поверхности изделий, кроме посредников и «пуговицы» ввиду сильной эродированности поверхности).

Н.Н. Диков, перечисляя некоторые находки из кургана 15, упомянул резец «из маленького зеленого кремневого отщеп в роговой рукоятке» [1961, с. 26]. В процессе описания коллекции кургана нами была выявлена единственная рукоятка (У-Б к. 15, м(огила) 1, б/№) и установлен материал ее изготовления — кость (рис., 3). Рукоятка (длина 7,45 см, ширина 2,84 см, толщина 1,84 см) подпрямоугольной формы в плане и овальной в поперечном сечении. Один из ее

Костяные изделия Усть-Бельского могильника...

концов закруглен и имеет прорезанный паз (ширина 0,45 см, глубина 0,9 см). На поверхности видны следы строгания (металлическим предметом?), покрывающие боковые стороны рукоятки в виде четких граней. Следы шлифовки и полировки поверхности изделия свидетельствуют об абразивных способах ее обработки.

В неолитических и более поздних культурах Севера Дальнего Востока России костяные и роговые рукоятки (в том числе для резцов) являются распространенными элементами составных орудий. Особенно это характерно для эскимосских культур, с их резьбой и гравировкой, невозможной без применения каменных (на ранних этапах) резцов в рукоятках.

Необходимо, правда, отметить своеобразие таких рукояток в разных культурах и традициях, как то: цельность изделия (состоит из двух половинок или цельное), тип закрепления (паз как узкая сквозная прорезь или гнездо как закрытое отверстие, углубление), расположение паза или гнезда относительно длинной оси орудия (торцевое или боковое). Что касается формы в плане и в поперечном сечении, то этот критерий не столь существенен, так как варьируется в пределах одной культуры или культурной традиции и зачастую зависит от самого сырья (формы кости, рога). В статье рассматриваются рукоятки с торцевым способом крепления в них резцов.

Изготовление и применение рукояток восходит к палеолитическому времени, но именно в неолите, когда дифференцируется производство и появляются узкоспециализированные орудия (теслеца, небольшие долота, стамески, резцы и пр.), необходимость в рукоятках возрастает.

В неолите Якутии костяные изделия малочисленны и довольно специфичных форм для неолита Севера Дальнего Востока России. В белькачинской культуре III тыс. до н.э. на стоянке Малая Джикимда [Алексеев, 1996, табл. 16, 3] и в ымыяхтахской культуре II тыс. до н.э. на стоянке Улахан-Эльге [Федосеева, 1980, рис. 20, 1] встречено по одному экземпляру костяных рукояток с открытым гнездом, типа длинного желобка (повторяющим контуры трубчатой полости), который служил пазом для составного орудия. Особый интерес вызывают роговые рукоятки для резцов из Диринг-Юряхского могильника (не встреченных восточнее Верхоянского хребта) — с торцевыми пазами, по периметру которых делались надрезы наподобие кулачкового зажима современного сверла [Федосеева, 1992, с. 96, рис. 9, 4, 6, 7].

На Индигирке, на стоянке ымыяхтахской культуры Сугуннах, датированной первой половиной I тыс. н.э., найдены фрагменты составных костяных рукояток с выступом для перевязи [Эверстов, 1999, с. 46, рис. 2, 1, 3, 4], обозначенные автором как «обломки изделий с полулунным концом» [Там же, с. 45].

В бассейне р. Колымы костяных рукояток пока не найдено. Но к востоку от Колымы значительно увеличиваются их количество и разнообразие.

На Северо-Западном побережье Охотского моря, на стоянке Ольская токаревской культуры I тыс. до н.э. — I тыс. н.э., найдена часть составной рукоятки с выступами для перевязи, интерпретированная как наконечник копья [Лебединцев, 1990, рис. 75, 2]. Также на территории Приохотья, на стоянках на о. Завьялова, в бухте Средней, на м. Трех братьев, Р.С. Васильевский обнаружил костяные и роговые рукоятки с торцевым открытым гнездом и выступами для перевязи [Васильевский, 1971, с. 210, табл. XI, 9], с простым торцевым гнездом [Там же, табл. XLIV, 13], с узким торцевым гнездом и боковой прорезью [Там же, табл. XLV, 5], с узким торцевым пазом [Там же, табл. LII, 6], относящиеся к древнекорякской культуре I–II тыс. н.э.

На Северо-Западном побережье Берингова моря костяная рукоятка с гнездом на торце найдена при раскопках поселения Анна II (древнекерекская культура, XVI в.) [Орехов, 1987, рис. 32, 1].

На Чукотке, на Барановом мысу (пунукская культура середины I тыс. н.э.), известны рукоятки с гнездом/пазом на торце, сбоку от которого делалась прорезь или удлиненное отверстие [Окладников, Береговая, 1961, табл. VII, 2–4, 14, 15; IX, 1, 8, 9] для извлечения поломанного орудия; рукоятки с пазами на обоих торцах [Там же, табл. VII, 9], а также просто с пазом/гнездом на торце [Там же, табл. VII, 10, 12, 13; IX, 3, 5]. Нередко на конце, где располагался паз/гнездо, делался желобок для обмотки, а на противоположном конце — отверстие для подвешивания (зачастую этот торец был уплощен). Чем длиннее была рукоятка, тем более она была искривлена в профиле.

Костяные рукоятки на Чукотском п-ве представлены несколькими типами: составные из двух половинок; с гнездом на торце и боковой прорезью; с прорезанным пазом на торце. Такие рукоятки на побережье Чукотского п-ва от п. Уэлен на севере до п. Сирэник на юге были собраны еще в 40-х гг. XX в. С.И. Руденко [1947, табл. 4, 3–6; 12, 23; 14, 4; 25, 17–21; 31, 38–42; 34, 31, 32]. В Уэленском и Эквенском могильниках часть костяных и роговых рукояток были найде-

ны вместе с каменными резцами [Арутюнов, Сергеев, 1969, рис. 84, 1–9; 85, 2–5; 1975, рис. 69, 1–4]. В коллекции Чинийского могильника представлена роговая рукоятка с торцевым гнездом, которая была найдена вместе со шлифованным сланцевым резцом [Диков, 1974, табл. 38, 2]. Роговая рукоятка вместе с каменным резцом была обнаружена при раскопках древних землянок в Сирениках (Сирэник по С.И. Руденко [1947]) [Диков, 1977, табл. 129, 2], рукоятки резцов из рога оленя — на стоянке Чегитун [Там же, табл. 161, 5, 6]. Все перечисленные памятники относятся к так называемым нео(древне)эскимосским культурам (в основном оквикской и древнеберингоморской) и датируются I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.

На Западном и Восточном побережье Центральной Камчатки, на стоянках Галган, Анадырка, Жупаново II слой (древнеительменная культура I тыс. до н.э.), найдено множество разнообразных роговых рукояток: составные из двух половинок, с гнездом на торце, с гнездом на торце и боковой прорезью, с открытым гнездом (желобчатые) [Пономаренко, 2000, табл. 33, 6, 7; 34, 5, 6; 40, 3, 67, 5; 68, 1; 70, 2, 3; 93, 1–5]. На Северо-Западном побережье Камчатки, в комплексе Теви I тыс. н.э., встречены костяные рукоятки с узким гнездом на торце, что косвенно указывает на применение металлических резцов [Пташинский, 1999, с. 85, рис. 4, 10].

В южной части Берингова пролива, на о. Св. Лаврентия, на Аляске (стоянки Miyowagh, Seklowaghyud) встречены как уже хорошо известные рукоятки — составные [Collins, 1937, pl. 38, 5–7; 78, 4, 5], с открытыми и закрытыми торцевыми гнездами [Ibid., pl. 38, 8–10], так и рукоятки нового типа — изогнутые в профиле, для так называемых crooked knife [Ibid., pl. 78, 1–3]. Восточнее о. Св. Лаврентия, на островах Пунук, на стоянке Оквик, найдено множество составных рукояток [Raineу, 1941, fig. 18, 1–7], одна из которых с пазами на обоих торцах [Ibid., fig. 18, 1] и с торцевым гнездом [Ibid., fig. 18, 8]. Данные изделия относятся к древнеберингоморской (первая половина I тыс. н.э.) и пунукской (VI–XVI вв.) культурам.

На арктическом побережье Аляски, м. Барроу (стоянки Birnirk, Nunagiak, Nuwuk, Utkiavik, могильник Kugok), найдены разнообразные обоймы: с открытым торцевым гнездом и рядом парных отверстий для перевязи [Ford, 1959, p. 162, fig. 81, f], с глубоким торцевым пазом [Ibid., p. 162, fig. 81, g; p. 163, fig. 82, d, e], с торцевыми гнездами [Ibid., p. 163, fig. 82, c; p. 164, fig. 83, b–d], составные [Ibid., p. 29, fig. 9, m; p. 62, fig. 21, j; p. 162, fig. 81, h; p. 163, fig. 82, f, l] и составная с клиновидным пазом [Ibid., p. 164, fig. 83, e]. Все они относятся к культуре Бирнирк (V–IX вв.) и более поздним эскимосским культурам м. Барроу.

На северо-западе Аляски, у эскимосов Arctic Woodland Culture XV–XVIII вв. на р. Кобук (стоянки Ambler Island, Ekseavik, Intermediate Kotzebue), в ходу были те же типы рукоятей, что и у нео(древне)эскимосов, — с торцевым гнездом [Giddings, 1952, pl. IV, 1–3; XXXIX, 3] и составные [Ibid., pl. IV, 4–7; XXXII, 3, 4, 8, 9].

На северо-западном побережье Аляски, в жилищах и погребениях стоянки Ипиутак на м. Хоп конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. (Arctic whale hunting culture), было обнаружено множество рукоятей: с торцевыми пазами, с открытыми торцевыми гнездами, составные и расщепленные на 2/3 [Larsen, Raineу, 1948, pl. 8, 2–14], а также рукоятки гравировальных инструментов с тонким и узким гнездом на торце [Ibid., pl. 8, 15–24].

На м. Денби, Аляска, у эскимосов культуры Нуклит I тыс. н.э. также были в ходу известные виды рукояток — с торцевым гнездом и составные [Giddings, 1964, pl. 14, 2, 3, 10, 14; 15, 3–6, 10, 11, 14, 15].

В ранних зарубежных источниках (конец XIX в. — 60-е гг. XX в.) рукоятки обозначены термином knife handles (рукоятки ножей), что не совсем точно отображает их функциональную составляющую. Авторы, описывающие материальную культуру нео(древне)эскимосов (I–II тыс. н.э.), имели дело в основном с железными резцами, которые и называли burin/chisel. Для таких резцов предназначались небольшие веретенообразные (зачастую обильно украшенные) рукоятки с узким торцевым гнездом. Все остальные типы рукоятей, с широким пазом/гнездом, предназначались в основном для каменных инструментов, самыми распространенными из которых в эскимосских культурах были ножи. В связи с этим примечательна типология мужских ножей, вставлявшихся в рукоять, по Мердоку: большой изогнутый нож для резания дерева и маленький нож для работы по кости и бивню [Murdoch, 1892, p. 157]. Один из видов маленького ножа Мердок называл «antler chisel» (резец/стамеска для работы по рогу) [Ibid., p. 173], а Матиассен — «whittling knife» (строгальный нож) [Collins, 1937, p. 145]. То есть нож у эскимосов выступал как многофункциональное орудие, заменяющее целый спектр узкоспециализированных. В результате за всеми

Костяные изделия Усть-Бельского могильника...

найденными рукоятками закрепилось название knife handles, несмотря на то что большинство из них найдены без вставленных ножей.

Рассмотренные аналогии позволяют сделать выводы относительно рукоятки с Усть-Бельского могильника. Ее технологическое устройство, а именно неглубокий сквозной паз на закругленном торце изделия (без выступов для перевязи), вызывает вопрос о способе закрепления резца, так как веревку из растительных волокон или кожаный ремешок, используемые для закрепления орудия в пазу, сложно зафиксировать на сужающейся заполированной поверхности рукоятки. К тому же на рукоятке не обнаружено характерных следов от обмотки. Крепление резца только на смолу тоже исключается ввиду сильного давления на рабочую точку и самой кинематики движений в процессе утилизации. Если придерживаться сообщения Н.Н. Дикова [1961] о том, что резец был вставлен в рукоятку, то вся описанная выше техническая специфика говорит о ритуальном назначении этого изделия, которое было изготовлено не для работы, а как предмет погребального инвентаря. Но несмотря на это орудия, помещавшиеся в могилу, могли быть изготовлены только в соответствии с категориями и типами инвентаря, бывшими в ходу и известными в то время. В связи с этим можно предположить, что усть-бельцы изготавливали рукоятки со сквозным прорезанным пазом на торце — довольно архаичной формы, в пользу чего говорит и материал резца (кремень).

Рукоятки, идентичные усть-бельской, в культурах Севера Дальнего Востока и Тихоокеанского Севера пока не выявлены, но типологически близкие (с торцевым пазом) повсеместно присутствуют в нео-(древне-)эскимосских культурах — с более глубоким пазом, с упорным валиком для ремня и отверстием для подвешивания.

Фрагмент (основание) зубчатого гарпуна (У-Б к. 15, м. 1, б/№) имеет одно округлое отверстие для линя, по бокам от которого сделан перехват в виде неглубоких выемок, ограниченных выступами (рис., 2). Черешок подтрапециевидной формы в плане и клиновидный в продольном сечении. Длина фрагмента 6,1 см, ширина 2,8 см, толщина 1,2 см, диаметр отверстия 1 см. Ближайшие аналоги этому гарпуну известны в Северо-Западном Приохотье, на стоянках Ольская токаревской культуры I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. [Лебединцев, 1990, рис. 62, 15], Атарган, Средняя древнекоряжской культуры конца I тыс. н.э. [Васильевский, 1971, табл. XIV, 12; XX, 14; XLVI, 10]; на Камчатке, на стоянках Анадырка, Жупаново II слой, древнеительменская культура I тыс. до н.э. [Пономаренко, 2000, табл. 63, 2; 91, 1], и Лопатка I, поздний этап тарьинской культуры — конец I тыс. н.э. [Дикова, 1983, табл. 17, 9]; на Аляске, Алеутских островах, стоянка Умнак алеутской традиции II тыс. до н.э. — I тыс. н.э. [Dumond, 1987, fig. 34], и на о. Кадьяк, стоянка Уяк, культуры поздний Качемак — ранний Кониак, I тыс. н.э. [Heizer, 1956, pl. 57, k, l]. Но самое близкое сходство фрагмент зубчатого гарпуна с Усть-Белой обнаруживает в культуре Нуклит на м. Денби [Giddings, 1964, pl. 8, 28, 31, 32]. Из чего следует, что данный тип наконечника был широко распространен в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. на территории Северной Пацифики. При этом стоит отметить, что наконечники неповоротного типа, как ранняя стадия развития орудийного набора морского зверобойного промысла, скорее ближе к I тыс. до н.э. и даже ранее, ко времени развития палеоэскимосских культур.

Примечательно, что Н.Н. Диков не идентифицирует эту находку, в отличие от наконечника поворотного гарпуна (из кургана 9) с открытым гнездом, одним отверстием для линя и без пазов для вкладышей или копыцеа. Ближайшие аналоги усматриваются им в эскимосских культурах Предорсет, Дорсет, Качемак I и Нортон конца II — I тыс. до н.э. [Диков, 1979, стр. 148]. Таким образом, данный тип поворотного наконечника гарпуна, находящий аналоги в палеоэскимосских культурах, вероятно, использовался в то же время, что и наконечник гарпуна неповоротного типа.

Фрагмент костяного наконечника (У-Б к. 15, № 1), обозначенный Н.Н. Диковым как «амулет из мамонтовой кости с изображением вороньих лапок» [1961, с. 26], имеет удлиненно-подтреугольную форму в плане и овальную в поперечном сечении (рис., 1). Насад сломан по отверстию. Длина фрагмента 4,9 см, ширина 1,2 см, толщина 0,7 см, ширина отверстия 0,5 см. На одной из плоскостей прочерчен «елочный» орнамент, сбоку от него — орнамент из «галочек», идущий параллельно длинной оси изделия; на другой стороне — орнамент из «вороньих лапок». Данный наконечник представлен только острием, что затрудняет нахождение аналогичных изделий, поэтому обратимся к анализу орнаментики. Э. Нельсон в конце позапрошлого столетия писал, что на Восточном мысу (м. Дежнева) видел множество костяных наконечников стрел и копий с орнаментом из «вороньих лапок» [Nelson, 1900, p. 324]. А.А. Орехов, описывая костяные наконечники лахтинской культуры, также отмечает на их поверхности «отпечаток

птичьей лапки (...вероятно, ворона)» [1987, с. 132]. Такой же узор (включая «елочку») встречается на костяных гарпунах на стоянке Уяк, Аляска [Heizer, 1956, fig. 38, *i-k*]. Елочный орнамент на обломке зубчатого наконечника и на наконечнике гарпуна поворотного типа присутствует в токаревской культуре [Лебединцев, 1990, рис. 102, 22; 149, 5]. Судя по имеющимся аналогам, данная орнаментика является распространенной в практике украшения костяных наконечников. Зачастую такой орнамент выступал в роли знаков собственности (так называемые тамги) и мог располагаться как в основании, так и на самом тулове наконечника [Волков, Руденко, 1910, рис. 16; Пташинский, 1999, рис. 7, 3, 4; 8; Ford, 1959, fig. 62; Giddings, 1952, fig. 28; Wissler, 1916, fig. 32, 35]. Семантика этих знаков представляет этнографический интерес и заслуживает отдельного обозрения.

Вопрос о типе изделия остается открытым из-за его фрагментированности, хотя подобное орудие (сломанное по отверстию) с эскимосской стоянки Иколиврунвеем отнесено Н.Н. Диковым к типу острий [1977, табл. 166, 8]. Таким образом, совокупность таких характеристик, как округлое отверстие для линя, продолговато-зауженная форма и маркирующая орнаментика, позволяют отнести этот фрагмент к наконечникам.

Три костяных посредника (У-Б к. 15, № 2–4) для наконечников стрел, два из которых (как отметил Н.Н. Диков) были найдены со вставленными наконечниками [1961, с. 25] (рис., 4–6). Посредники № 4 (длина 8 см, ширина 1,5 см, толщина 0,8 см) и 6 (длина 6,9 см, ширина 1,7 см, толщина 1,1 см) имеют овальное поперечное сечение и пазы на обоих концах. Посредник № 5 имеет округлое поперечное сечение (длина 8,1 см, диаметр 1,6 см) и пазы в разных плоскостях, перпендикулярные друг к другу. Концы всех трех посредников повреждены, глубина сохранившихся пазов от 0,8 до 2,1 см. Орнамент, нанесенный на поверхность посредников, представляет собой редкие длинные, тонкие линии, параллельные длинной оси орудия. На одном из концов посредника № 5 имеется дополнительный декор в виде прорезанного ободка. Судя по глубине прорезанному пазу, он мог использоваться в качестве желобка для обмотки при закреплении посредника в древке.

Близкие по форме орудия встречаются в Якутии, в Дюпсинском и Покровском погребениях усть-мильской культуры I тыс. до н.э. [Степанов и др., 2014, рис. 1 (I), 1, 4]; на Средней Колыме, на стоянке Помазкино IV ымыяхтахской культуры середины II тыс. до н.э., — довольно своеобразный посредник с пазом на одном торце и гнездом на противоположном торце, не характерный для якутских неолитических культур [Кашин, 2013, рис. 22, 1]; на Западной Чукотке, на стоянке Раучувагытгын I, отнесенной М.А. Кирьяк к ымыяхтахской культуре середины I тыс. до н.э., — с торцевыми пазами, располагающимися в разных плоскостях [1993, табл. 92, 5]; на побережье Восточно-Сибирского моря, жилище 1 в бухте Сарычева пунукской культуры середины I тыс. н.э. [Окладников, Береговая, 1961, табл. V, 2]; на Чукотском п-ве, в Уэленском [Руденко, 1947, табл. 2, 6–8] и Эквенском [Арутюнов, Сергеев, 1975, рис. 63, 4; 67, 6] могильниках; в Северо-Западном Приохотье, на стоянке Ольская [Лебединцев, 1990, рис. 73, 16]; на Камчатке, на стоянках Анадырка (в том числе посредник с пазами в разных плоскостях) и Галган [Пономаренко, 2000, табл. 11, 20, табл. 63, 15; 64, 5, 6]; на Аляске, на стоянке Треил Крик, культура чорис и ниаипиутак [Vandí, 1972, fig. 20], конец II — середина I тыс. до н.э.

Данный тип составного орудия встречается повсеместно в приморских и континентальных культурах Севера Дальнего Востока России и зачастую классифицируется исследователями как наконечники стрел [Арутюнов, Сергеев, 1975; Лебединцев, 1990; Окладников, Береговая, 1961; Пономаренко, 2000; Руденко, 1947]. Нам представляется целесообразным развести эти понятия: костяной наконечник как самостоятельное орудие и посредник как элемент составного. Костяной наконечник отличается от посредника отсутствием на острие слота для копьейца и/или наличием зубца/зубьев на тулове. Стоит отметить, что насад наконечника или посредника представлен многими формами (с гнездом/пазом в основании, с заостренным или уплощенным основаниями) и не является типобразующим признаком.

Костяная «пуговица» (У-Б к. 15, № 27), длиной 3 см, имеет односторонне выпуклое сечение, на краях «пуговицы» имеются утолщения (толщина 0,9 и 1 см), между этими утолщениями более узкая соединительная часть — «шейка» (толщина 0,6 см.) (рис., 7). Нижняя часть поделки представляет собой плоскую поверхность. Подобные изделия встречаются в коллекции Уэленского могильника древнеэскимосской культуры на Чукотке [Арутюнов и др., 1969, с. 152, рис. 80, 1] и в культуре нуклит, м. Денби, на Аляске [Giddings, 1964, pl. 31, 26–28]. С.А. Арутюнов [1969, с. 144] относит их к типу застежек, применявшихся «как для промысловой сумки, так и для специальной

Костяные изделия Усть-Бельского могильника...

наплечной лямки, которой пользовались для транспортировки убитой нерпы». Л.Дж. Гиддингс называет подобные застёжки «line guides» и пишет, что они выполняли роль направляющих для линия [Giddings, 1964, p. 78]. Таким образом, эти костяные изделия распространены в поздних эскимосских культурах и применялись в утилитарных целях, хотя иногда украшались резным орнаментом и могут характеризоваться как предметы искусства.

Резюмируя, следует отметить, что аналогии в типах костяного инвентаря прослеживаются в культурах, существовавших в I–II тыс. н.э., тогда как по датировкам Усть-Бельский курган 15 древнее — относится к началу I тыс. до н.э. Особенно много параллелей отмечено в эскимосских культурах, в том числе в каменном инвентаре (наконечник с Т-образным черешком, шлифованный наконечник, резцы с пришлифованными резцовыми сколами) [Зеленская, 2017].

По технико-типологическим данным костяного инвентаря Усть-Бельский могильник находит соответствия не только в поздненеолитических памятниках сопредельных территорий, но и в эскимосских культурах Аляски, где представленные формы и технологические традиции развивались вплоть до этнографической современности.

Пока еще сложно делать выводы о морском зверобойном промысле усть-бельцев, несмотря на имеющиеся два фрагмента костяных гарпунов (на данный момент), ввиду ориентированности их хозяйства на сухопутную охоту, а также нецелесообразности такого промысла на реке, куда лишь изредка мог заплывать морской зверь, продвигаясь вслед за лососем. Н.Н. Диков относительно наличия гарпуна в кургане 9 писал: «...нерпы и лахтаки поднимаются высоко вверх по р. Анадырь» [1974, с. 35], и этот факт, по мнению автора, является несомненным доказательством охоты на морского зверя обитателями стоянки Усть-Белая. Но стали бы они для таких «редких гостей» изготавливать гарпунный комплекс, который требует большого косторезного мастерства и трудозатрат? Скорее всего, эти гарпуны были заимствованы, получены путем обмена или найдены на соседних территориях, населенных носителями приморских культур.

Помимо костяных изделий в коллекции кургана 15 имеются заготовки из рога оленя, фрагменты моржового клыка, фрагментированные крупные трубчатые кости (оленья?) со следами резания, которые представляют сырье для дальнейшего производства. Тем не менее весь костяной инвентарь и сырье для его производства составляют малую долю по отношению к каменному, и сам характер каменного инвентаря (многочисленные наконечники стрел и копий) отражает преимущественную ориентацию усть-бельцев на континентальную оленюю охоту.

Таким образом, пока еще слабо атрибутированный материал Усть-Бельской стоянки могильника, содержащий помимо очевидных свидетельств существования внутриконтинентального хозяйства данные о морском зверобойном промысле, ставит вопросы о типе хозяйства усть-бельцев (задача должна решаться с привлечением всех материалов могильника), связи (хронологической, пространственной, материальной) между усть-бельской культурой и определенными этническими образованиями, а также о процессах культурогенеза на территории Севера Дальнего Востока в позднем голоцене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев А.Н.* Древняя Якутия: Неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 259 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.* Древние культуры азиатских эскимосов: (Уэленский могильник). М.: Наука, 1969. 201 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.* Проблемы этнической истории Берингоморья: (Эквенский могильник). М.: Наука, 1975. 240 с.
- Васильевский Р.С.* Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971. 250 с.
- Волков Ф.К., Руденко С.И.* Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений // Материалы по этнографии. СПб., 1910. Т. 1. С. 155–200.
- Диков Н.Н.* Предварительный отчет о полевых археологических исследованиях Чукотского краеведческого музея в 1957 г. // Записки Чукот. краевед. музея. Магадан, 1958. Вып. I. С. 45–57.
- Диков Н.Н.* Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 г. // Записки Чукот. краевед. музея. Магадан, 1961. Вып. II. С. 21–36.
- Диков Н.Н.* Чинийский могильник: (К истории морских зверобоев Берингова пролива). Новосибирск: Наука, 1974. 167 с.
- Диков Н.Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы: (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1977. 391 с.
- Диков Н.Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии: (Азия на стыке с Америкой в древности). М.: Наука, 1979. 352 с.
- Дикова Т.М.* Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.: Наука, 1983. 230 с.

Зеленская А.Ю. Усть-Бельская стоянка, курган 15: Анализ опубликованных данных и коллекции // На перекрестке Севера и Востока: (Методология и практика регионального развития): Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Магадан: СВГУ, 2017. С. 204–209.

Кашин В.А. Неолит Средней Колымы. Новосибирск: Наука, 2013. 224 с.

Кирьяк М.А. Археология Западной Чукотки. М.: Наука, 1993. 224 с.

Лебединцев А.И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. Л.: Наука, 1990. 258 с.

Окладников А.П., Береговая Н.А. Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск: Наука, 1971. 213 с.

Орехов А.А. Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. М.: Наука, 1987. 174 с.

Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчат., 2000. 312 с.

Пташинский А.В. Культура морских зверобоев северо-запада Камчатки // Исследования по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан, 1999. С. 80–97.

Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. 117 с.

Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Джалл Э.Дж.Т. Новые данные по хронологии раннего железного века Якутии // Изв. Иркут. ун-та. 2014. Т. 7. С. 106–112.

Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. 215 с.

Федосеева С.А. Дириг-Юряхский могильник: (Типология каменного погребального инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Восточной Азии) // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 84–105.

Эверстов С.И. Сугуннах — новая стоянка ымыяхтахской культуры на Индигирке // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск: Наука, 1999. С. 40–54.

Bandi H.-G. Eskimo Prehistory. Alaska: University of Alaska Press, 1972. 226 p.

Collins H.B. Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska // Smithsonian Miscellaneous Collections. Washington, 1937. Vol. 96. № 1. P. 1–431.

Dumond D.E. The Eskimo and Aleuts. L.: Thames and Hudson, 1987. 180 p.

Ford J.A. Eskimo prehistory in the vicinity of Point Barrow, Alaska // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. N. Y., 1959. Vol. 47. 1. P. 1–272.

Giddings J.L. The Arctic Woodland Culture on the Kobuk River. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1952. 144 p.

Giddings L.J. The Archeology of Cape Denbigh. Providence: Brown University, 1964. 487 p.

Heizer R.F. Archaeology of the Uyak Site, Kodiak Island, Alaska. Berkeley: University of California Press, 1956. 199 p.

Larsen H., Rainey F. Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture // Anthropological Papers of the Amer. Museum of Natural History. N. Y., 1948. Vol. 42. P. 1–276.

Murdoch J. The ethnological results of the Point Barrow Expedition // Ninth Annual Report of the Bureau of Ethnology, 1887–1888. Washington: Government Printing Office, 1892. P. 1–441.

Nelson E.W. The Eskimo about Bering strait // Extract from the Eighteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington: Government Printing Office, 1900. P. 1–518.

Rainey F. Eskimo prehistory: The Okvik site on the Penuk Islands // Anthropol. Papers Amer. Museum Natural History. N. Y., 1941. Vol. 37. 4. P. 453–569.

Wissler C. Harpoons and darts of the Stefansson Collection // Anthropol. Papers of the Amer. Museum of Natural History. N. Y., 1916. Vol. 14. 2. P. 397–475.

A.Yu. Zelenskaya

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute
of Far East Branch RAS

Portovaya st., 16, Magadan, 685000, Russian Federation

E-mail: zelenskaya@neisri.ru

THE BONE ARTIFACTS OF THE UST-BELAYA BURIAL GROUND, AND SOME ISSUES OF CULTURAL INTERACTION IN THE NEOLITHIC ON THE NORTH OF THE FAR EAST

The materials of the Ust-Belaya site and burial ground served as a basis for distinguishing the Ust-Belaya culture of Inland Chukotka by N.N. Dikov. However, the results of investigations of the burial ground were partially published, without morphometric and statistical description of the materials at the barrows, including bone inventory. This work is dedicated to analyze the bone inventory from the burial mound 15 and to identify on its basis the cultural and historical links with archaeological materials of cultures of the Late Neolithic — the Early Metal Age in the North of the Far East and the Pacific North. Based on the results of the technical-typological analysis of bone tools, classification elements of the types of bone tools (often cultural markers) were singled out; the economic life of the Ust-Belaya population has been partially reconstructed (namely, the orientation to inland hunting), the question of the presence of harpoons in graves has been considered; the relations (based on comparative morphological analysis) with coastal cultures of the Koryaks, Itelmen, Aleuts and Eskimos are identified, with the latter

showing the greatest similarity in the types of bone inventory. Thus, a detailed analysis of the artifacts of the Ust-Belaya Site provides valuable information on the Late Neolithic of the Inland Chukotka.

Key words: Ust-Belaya burial ground, mound 15, Chukotka, the Neolithic, the Paleometal Age, the Chukchi, the Eskimos, bone and antler tools, technical and typological analysis.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-39-4-005-014

REFERENCES

- Alekseev A.N., 1996. *Drevniaia lakutiia: Neolit i epokha bronzy* [Ancient Yakutia: Neolithic and Bronze Age], Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 259 p.
- Arutiunov S.A., Sergeev D.A., 1969. *Drevnie kul'tury aziatskikh eskimosov: (Uelenskii mogil'nik)* [Ancient Cultures of Asiatic Eskimos: (The Uelen cemetery)], Moscow: Nauka, 201 p.
- Arutiunov S.A., Sergeev D.A. 1975. *Problemy etnicheskoi istorii Beringomor'ia: (Ekvenskii mogil'nik)* [Problems of Ethnic History in the Bering Sea: (The Ekven cemetery)], Moscow: Nauka, 240 p.
- Bandi H.-G., 1972. *Eskimo Prehistory*, Alaska: University of Alaska Press, 226 p.
- Collins H.B., 1937. Archaeology of St. Lawrence Island, Alaska. *Smithsonian Miscellaneous Collections*, vol. 96, no. 1, Washington, pp. 1–431.
- Dikov N.N., 1958. Predvaritel'nyi otchet o polevykh arkhologicheskikh issledovaniakh Chukotskogo kraevedcheskogo muzeia v 1957 g. [Preliminary report on field archaeological research of the Chukotka Museum of Local History in 1957]. *Zapiski Chukotskogo kraevedcheskogo muzeia*, no. I, Magadan, pp. 45–57.
- Dikov N.N., 1961. Predvaritel'nye dannye ob arkhologicheskikh rabotakh na Chukotke v 1959 g. [Preliminary data on archaeological work in Chukotka in 1959]. *Zapiski Chukotskogo kraevedcheskogo muzeia*, no. II, Magadan, pp. 21–36.
- Dikov N.N., 1974. *Chiniiskii mogil'nik: (K istorii morskikh zveroboev Beringova proliva)* [Chini burial ground: (To the history of the sea mammals hunters of the Bering Strait)], Novosibirsk: Nauka, 167 p.
- Dikov N.N., 1977. *Arkheologicheskie pamiatniki Kamchatki, Chukotki, Verkhnei Kolymy: (Aziia na styke s Amerikoi v drevnosti)* [Archaeological Sites of Kamchatka, Chukotka, and the Upper Kolyma: (Asia at the junction with America in antiquity)], Moscow: Nauka, 391 p.
- Dikov N.N., 1979. *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii: (Aziia na styke s Amerikoi v drevnosti)* [Early Cultures of Northeast Asia: (Asia at the junction with America in antiquity)], Moscow: Nauka, 352 p.
- Dikova T.M., 1983. *Arkheologiiia iuzhnoi Kamchatki v sviazi s problemoi rasseleniia ainov* [The Archeology of Southern Kamchatka in Connection with the Problem of Settlement of the Ainu], Moscow: Nauka, 230 p.
- Dumond D.E., 1987. *The Eskimo and Aleuts*, London: Thames and Hudson, 180 p.
- Everstov S.I., 1999. Sugunnakh — novaia stoianka ymyakhtakhskoii kul'tury na Indigirke [Sugunnah — the new site of the Ymyyakhtakh Culture on Indigirka]. *Arkheologiiia Severo-Vostochnoi Azii. Astroarkheologiiia. Paleometrologiiia*, Novosibirsk: Nauka, pp. 40–54.
- Fedoseeva S.A., 1980. *Ymyakhtakhskaia kul'tura Severo-Vostochnoi Azii* [The Ymyyakhtakh Culture of Northeast Asia], Novosibirsk: Nauka, 215 p.
- Fedoseeva S.A., 1992. Diring-Iuriakhskii mogil'nik: (Tipologiiia kamennogo pogrebal'nogo inventaria i mesto pamiatnika v drevnei istorii Severo-Vostochnoi Azii) [The Diring-Yuryakh Cemetery: (Typology of the Stone Burial Inventory and the Place of the Site in the Ancient History of Northeast Asia)]. *Arkheologicheskie issledovaniia v lakutii*, Novosibirsk: Nauka, pp. 84–105.
- Ford J.A., 1959. Eskimo prehistory in the vicinity of Point Barrow, Alaska. *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, vol. 47, no. 1, New York, pp. 1–272.
- Giddings J.L., 1952. *The Arctic Woodland Culture on the Kobuk River*, Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 144 p.
- Giddings L.J., 1964. *The Archeology of Cape Denbigh*, Providence: Brown University, 487 p.
- Heizer R.F., 1956. *Archaeology of the Uyak Site, Kodiak Island, Alaska*, Berkeley: University of California Press, 199 p.
- Kashin V.A., 2013. *Neolit Srednei Kolymy* [Neolithic of the Middle Kolyma], Novosibirsk: Nauka, 224 p.
- Kir'iak M.A., 1993. *Arkheologiiia Zapadnoi Chukotki* [The Archeology of Western Chukotka], Moscow: Nauka, 224 p.
- Larsen H., Rainey F., 1948. Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture. *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, vol. 42, New York, pp. 1–276.
- Lebedintsev A.I., 1990. *Drevnie primorskie kul'tury Severo-Zapadnogo Priokhot'ia* [Early Maritime Cultures of Northwestern Priokhot'e], Leningrad: Nauka, 258 p.
- Murdoch J., 1892. The ethological results of the Point Barrow Expedition. *Ninth Annual Report of the Bureau of Ethnology, 1887–1888*, Washington: Government Printing Office, pp. 1–441.
- Nelson E.W., 1900. The Eskimo about Bering strait. *Extract from the Eighteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology*, Washington: Government Printing Office, pp. 1–518.
- Okladnikov A.P., Beregovaia N.A., 1971. *Drevnie poseleniia Baranova mysa* [Ancient settlements of the Cape Baranov], Novosibirsk: Nauka, 213 p.

А.Ю. Зеленская

- Orekhov A.A., 1987. *Drevniaia kul'tura Severo-Zapadnogo Beringomor'ia* [The Ancient Culture of the North-Western Bering Sea], Moscow: Nauka, 174 p.
- Ponomarenko A.K., 2000. *Drevniaia kul'tura itel'menov Kamchatki* [The Ancient Culture of the Itel'men of Kamchatka], Petropavlovsk-Kamchatsky, 312 p.
- Ptashinskii A.B., 1999. Kul'tura morskikh zveroboev severo-zapada Kamchatki [The Culture of hunters on sea mammals in the North-West of Kamchatka]. *Issledovaniia po arkheologii Severa Dal'nego Vostoka*, Magadan, pp. 80–97.
- Rainey F., 1941. Eskimo prehistory: the Okvik site on the Puduk Islands. *Anthropological Papers American Museum Natural History*, vol. 37, no. 4, New York, pp. 453–569.
- Rudenko S.I., 1947. *Drevniaia kul'tura Beringova moria i eskimoskaia problema* [The Ancient Culture of the Bering Sea and the Eskimo problem], Moscow; Leningrad, 117 p.
- Stepanov A.D., Kuz'min Ia.V., Jull A.J.T., 2014. Novye dannye po khronologii rannego zheleznogo veka Iakutii [New Data on the Chronology of the Early Iron Age of Yakutia]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 7, pp. 106–112.
- Vasil'evskii R.S., 1971. *Proiskhozhdenie i drevniaia kul'tura koriakov* [Origin and Ancient Culture of the Koriaks], Novosibirsk, 250 p.
- Volkov F.K., Rudenko S.I., 1910. Etnograficheskie kolleksii iz byvshikh rossiisko-amerikanskikh vladenii [Ethnographic Collections from the former Russian-American possessions]. *Materialy po etnografii*, vol. 1, St. Petersburg, pp. 155–200.
- Wissler C., 1916. Harpoons and darts of the Stefansson Collection. *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History*, vol. 14, no. 2, New York, pp. 397–475.
- Zelenskaia A.Iu., 2017. Ust'-Bel'skaia stoianka, kurgan 15: analiz opublikovannykh dannykh i kolleksii [Ust-Belaya burial ground, mound 15: An analysis of the published data and collections]. *Na perekrestke Severa i Vostoka (metodologiya i praktika regional'nogo razvitiia)*, no. II, Magadan, pp. 204–209.